

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / RESEARCH ARTICLE

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.83-93>

Подпольная деятельность «Волжской организации генерала Алексеева» в Казани в 1918 году

С.Р. Заляев

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

srzaliaev@edu.hse.ru

Резюме. Статья посвящена исследованию деятельности крупнейшего офицерского подполья в Казани – «Волжской организации генерала Алексеева», чья роль в захвате города Комучем в августе 1918 г. долгое время оставалась в тени масштабных военных операций. На основе анализа воспоминаний активного участника организации Н.П. Выговского, опубликованных в 1928 г. в эмигрантской газете «Русское слово» и впервые привлекаемых к исследованию, а также писем генерала Ю.Д. Романовского генералу М.В. Алексееву, датированных августом 1918 г., реконструируется структура, коалиционные связи и практическая деятельность подполья. Организация, объединявшая офицеров, земцев, профессуру и представителей торгово-промышленных кругов, поддерживала связи с Добровольческой армией, иностранными миссиями и симпатизирующими воинскими частями. Несмотря на то, что деятельность казанской подпольной организации была раскрыта чекистами в начале лета 1918 г., и часть руководства была арестована, подполье сохранило активность. Его влияние на исход штурма Казани 6–7 августа оказалось одним из ключевых. Деятельность организации была направлена не на подготовку массового восстания, а на системный саботаж (умышленно неверная наводка артиллерии, срыв приказов), дезинформацию и деморализацию большевистского тыла. Это обстоятельство, в сочетании с открытым восстанием в день штурма, привело к катастрофической дезорганизации обороны, способствовало панике и в конечном итоге предопределило успех наступающих при минимальных потерях с их стороны. Таким образом, падение Казани представлено как результат синергии внешнего военного давления и глубокого внутреннего кризиса, ключевым элементом которого стала целенаправленная работа сплоченного офицерского подполья, действовавшего как эффективная «пятая колонна».

Ключевые слова: Гражданская война; Алексеевская организация; Комуч; Казань; Н.П. Выговский; Народная армия

Для цитирования: Заляев С.Р. Подпольная деятельность «Волжской организации генерала Алексеева» в Казани в 1918 году. *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2026. Т. 16, № 1. С. 83–93.

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.83-93>

Underground Activities of the Volga Organization of General Alekseev in Kazan in 1918

S.R. Zalyaev

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
srzالياev@edu.hse.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of the activities of the largest officer underground in Kazan – the Volga Organization of General Alekseev, whose role in the capture of the city by Komuch in August 1918 for a long time remained in the shadow of large-scale military operations. Based on the analysis of the memoirs of an active participant of the organization N.P. Vygovskiy, published in 1928 in the emigrant newspaper *Russian Word* and involved in the study for the first time, as well as letters from General Yu.D. Romanovskiy to General M.V. Alekseev, dated August 1918, the structure, coalition ties, and practical activities of the underground are reconstructed. The organization, which united officers, Zemstvos, professors, and representatives of trade and industrial circles, maintained ties with the Volunteer Army, foreign missions, and sympathizing military units. Despite the fact that the activities of the Kazan underground organization were discovered by the Chekists in the early summer of 1918 and part of the leadership was arrested, the underground remained active. Its influence on the outcome of the assault on Kazan on August 6–7 proved to be one of the key factors. The activities of the organization were aimed not at preparing a mass uprising, but at systemic sabotage (intentionally incorrect artillery aiming, disruption of orders), disinformation, and demoralization of the Bolshevik rear. This circumstance, combined with an open uprising on the day of the assault, led to a catastrophic disorganization of the defense, contributed to panic, and ultimately predetermined the success of the attackers with minimal losses on their part. Thus, the fall of Kazan is presented as a result of the synergy of external military pressure and a deep internal crisis, the key element of which was the purposeful work of a cohesive officer underground acting as an effective "fifth column".

Keywords: Civil War; Alekseev Organization; Komuch; Kazan; N.P. Vygovskiy; People's Army

For citation: Zalyaev S.R. Underground Activities of the Volga Organization of General Alekseev in Kazan in 1918. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2026, vol. 16, no. 1, pp. 83–93.
<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.83-93> (In Russian)

При анализе Гражданской войны в Казани исследователи традиционно акцентируют внимание на периоде августа-сентября 1918 г., когда город стал ключевой ареной противостояния между 5-й Красной и Народной армиями. К сожалению, это заслоняет множество важных сюжетов, в том числе деятельность подпольной Алексеевской организации. Пролить свет

на эти события позволяют воспоминания активных деятелей организации, опубликованные за рубежом и впервые использованные в данной работе.

Речь идет об обнаруженной в харбинской газете «Русское слово» серии статей под общим названием «Дела минувших дней. Алексеевская организация в Казани», детально раскрывающих деятельность этого подпольного формирования [см.: 2; 3; 4; 5]. Ее автор, скрывавшийся под псевдонимом «В-ский», был активным членом организации и непосредственным участником штурма города. Сопоставление этих мемуаров с другой статьей – «Под башнями Казани» А.Глэна, опубликованной в шанхайской газете «Вечерняя заря», позволяет с уверенностью утверждать, что за псевдонимом стоял казанский монархист Н.П. Выговский [6, с. 2].

В данной статье на основе анализа этих источников, а также обнаруженных и опубликованных историком А.В. Ганиным писем второго лидера организации генерал-лейтенанта Ю.Д. Романовского (Ганин, 2019) реконструирована целостная картина одного из прежде игнорируемых эпизодов Гражданской войны. В дополнение к опубликованным источникам использованы архивные материалы.

Начиная с 1918 г. положение казанских большевиков оказывалось все более критичным. Разрыв отношений с представителями татарской национальной элиты привел к открытому военному столкновению внутри города. После ликвидации «Забулачной республики» последовала серия погромов на национальной почве, сопровождавшихся жесткими ограничениями прав татарского населения (Запись, 1998, с. 117, 118; Бочков, 2021, с. 22; Исхаки, 1933, с. 43). Тяжелое положение наблюдалось в деревне, в результате ревизии церковного и продовольственного имущества началась череда восстаний и убийств партийных работников. Важной угрозой оставались и офицерские подпольные организации, возникшие в городе в период с 1917 по 1918 г. Наиболее крупным и известным подпольем являлась «Волжская организация генерала Алексеева» генерал-лейтенанта И.И. Попова, насчитывавшая в своем составе около 450–460 человек (Показания, 1989, с. 101), державшая связь с «Москвой и некоторыми городами на Волге» (Мейбом, 2003, с. 119).

Воспоминания казанских большевиков ясно свидетельствуют о том, что они плохо знали своих противников, действовавших в городе. Так, глава местной ЧК М.И. Лацис ошибочно полагал, что офицерское подполье входило в состав «Союза Защиты Родины и Свободы» Б.В. Савинкова и готовилось к свержению Советской власти с целью возобновления войны с Германией (Лацис, 1924, с. 5). Комиссар Л.Р. Милх считал, что заговорщики планировали по заранее составленным спискам уничтожить местных партийных работников и захватить власть в городе (Милх, 1924, с. 17).

Причина подобной путаницы скрывается в широком коалиционном представительстве. Помимо офицеров в организацию входили земцы (князь А.А. Кропоткин, Н.В. Смирнов) и представители торгово-промыш-

ленных кругов (В.Ф. Иванов, Набоков). Со слов Выговского, именно землец Кропоткин организовал встречу с «донским триумvirатом» (М.В. Алексеев, Л.Г. Корнилов, А.М. Каледин), по результату которой организация получила свое официальное название – «Волжская организация ген[ерала] Алексеева» [2, с. 3]. Этот же факт упомянул в письме Романовский. По его словам, встреча состоялась в ноябре 1917 г. в Новочеркасске, причем в состав казанской делегации также входили Геркен (можно предположить, что речь о П.И. Геркене, председателе Казанской губернской земской управы в 1904–1907 гг.) и барон Шлипенбах (Ганин, 2019, с. 77).

Хотя профессура Казанского университета также была осведомлена о деятельности алексеевцев, она отрицательно относилась к привлечению студентов в подпольную организацию с целью их подготовки к вооруженной борьбе [2, с. 3]. Тем не менее, алексеевцы приступили к созданию своих боевых ячеек, в которые вступали и студенты. В частности, Выговский упомянул следующие подразделения: под руководством полковника Нечаева, поручика Башмакова, поручика А.А. Богданова, капитана Цимбалова, ротмистра Фельдмана [2, с. 3].

Длительную связь казанские алексеевцы держали и с 5-м уланским Литовским полком, расквартированным в Симбирске. Ротмистр полка В.А. Зиновьев был знаком с лидерами казанской группы: Романовским, полковником артиллерии П.Г. Сушко и поручиком Геркеном. До июня 1918 г. организация планировала отправиться на Дон, в Добровольческую армию, однако восстание Чехословацкого легиона и появление Комуча заставили группу изменить планы и дожидаться приближения «каппелевцев» (Зиновьев, 2003, с. 143).

В начале лета 1918 г. в Казани действовали и другие подпольные организации – савинковская (планировавшая восстание в Поволжье) и различные разрозненные группы солдат. К примеру, в городе существовала рабочая артель грузчиков и перевозчиков, состоявшая из бывших солдат «Бессмертных гусар» («5-й гусарский Александрийский Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полк») во главе с ее последним командиром полковником А.Н. Козловым [9, с. 3]. Важно отметить, что эти организации знали о существовании друг друга, но действовали автономно, что также путало большевиков.

В конце весны – начале лета 1918 г. произошло крайне важное событие – Казанской губернской ЧК удалось провести неожиданную облаву и обнаружить поименный список всех членов организации. Десятки алексеевцев во главе с лидером организации генералом Поповым подверглись аресту. Как показывают материалы допросов, глава организации пытался ввести следствие в заблуждение, представляя формирование как кассу взаимопомощи для финансирования неимущих офицеров, врачей, бывших чиновников и их семей (Показания, 1989, с. 101). Организация ради отчетности выделяла зарплаты офицерам и их военным ячейкам, из оружия собралось всего 180 винтовок и один ящик ручных гранат, из которых после

вскрытия осталось лишь 55 винтовок (Показания, 1989, с. 101). Последующие события показали, что генерал пытался либо покрыть других арестованных, либо сохранить подполье, перешедшее под руководство генерал-лейтенанта Романовского. Уверенная позиция генерала Попова не спасла его от жестокого наказания, он был приговорен к расстрелу.

Все же большинству казанских офицеров удалось либо избежать ареста (как группе капитана Ф.Ф. Мейбома, ушедшей в партизаны), либо бежать из-под стражи. Так, из тюрьмы сбежал сын покойного лидера организации – Б.И. Попов, впоследствии активный участник боев за Казань [8, с. 6]. Можно предположить, что побеги были организованы самой организацией: со слов Выговского, офицеры рассматривали возможность штурма казанской тюрьмы с помощью своего агента, служившего в учреждении.

Лацис скептически резюмировал результаты антиофицерской кампании: «ВЧК удалось устранить только верхушку. Корни оставались, и можно было предполагать, что контр-революционные организации продолжают свою работу. На деле быстро это подтвердилось...» (Лацис, 1924, с. 7). Многие казанские большевики жаловались на открытый саботаж со стороны городского офицерства. Военный комиссар Ф.Терехин отмечал, что офицерство вело себя недоброжелательно, выполняло задания формально, открыто саботируя приказы (Терехин, 1924, с. 27); видный партизнец А.И. Бочков вспоминал, что казанские летчики радовались приближению народоармейцев к городу (Бочков, 2021, с.27); член Чрезвычайной следственной комиссии В.Мазунин отмечал не только саботаж, но и открытую вербовку казанских офицеров в Алексеевскую организацию на специально организованных вечерах в «Швейцарии»¹ и балах (Мазунин, 1924, с. 38).

Л.Д. Троцкий, прибывший после падения Казани в Свияжск, был крайне разочарован деятельностью местных большевиков, допустивших подобную катастрофу: «Измена гнездилась в штабе, в командном составе и вокруг. Неприятель знал, куда бить, и почти всегда действовал наверняка. Это обескураживало» (Троцкий, 1991, с. 383). Во время посещения передовой Троцкий едва не погиб от вражеского обстрела, который, как он осознал лишь годы спустя, был организован артиллерийским офицером-саботажником. В своей автобиографии Л.Троцкий вспоминал, что офицер, под предлогом отдать приказ, по телефону скорректировал огонь неприятеля по их позиции: «Он рисковал вдвойне: попасть вместе со мною под снаряд белых или быть расстрелянным красными» (Троцкий, 1991, с. 383).

Вместе с тем следует понимать, что часть этих характеристик была дана уже после падения города. Поиск виновных среди скрытых саботажников был удобен из-за плохой организации обороны. Многие современники описывали совершенно иное положение казанского офицерства. Так, например, Милх критично относился к деятельности офицерской органи-

¹ Место общественных гуляний на окраине города, названное так за живописный рельеф, напоминавший швейцарские пейзажи.

зации, считая, что сдача города не была обусловлена их восстанием, сражавшиеся войска и вовсе «о нем почти и не знали» (Милх, 1924, с. 17). О.А. Ильина-Боратынская, представительница старого казанского дворянства, хотя и отмечала, что у казанского офицерства существовал специальный «гид», через которого добровольцы отправлялись на Дон, резюмировала: раз весь город знает об этой секретной организации, то «само по себе уже значит, что это не серьезно» (Ильина, 2003, с. 275).

Алексеевская организация, действительно, не пользовалась сильным авторитетом среди военных. Как уже было указано выше, подпольное ядро состояло из нескольких сотен членов, тогда как в городе находилось порядка 5000 офицеров. Мейбом по этому поводу сокрушался: «Закричи Муравьев: “Становись на колени!” – они (офицеры. – С.З.) бы встали» (Мейбом, 2003, с. 82). Профессор Николаевской военной академии М.А. Иностранцев также с разочарованием отмечал: «Старые кадровые офицеры почему-то лишь в весьма небольшом количестве вступают в эту организацию и предпочитают служить лакеями в ресторанах и продавать газеты, чем бороться с оружием в руках» (Иностранцев, 2017, с. 641).

При этих характеристиках стоит помнить, что каждый офицер по факту своего существования подвергался угрозе жизни из-за развернувшегося в городе красного террора. Ильина-Боратынская указывала на постоянные стычки между офицерами (безуспешно пытавшихся скрыть погоны за башлыками) и большевиками, которые заканчивались бессудными арестами и расстрелами в «графском подвале» (Ильина, 2003, с. 269). Казачка М.М. Юрлова описывала унижительную сцену допроса студентами-большевиками инвалидов ветеранов войны, которая также закончилась арестом (Юрлова, 2023, с. 177–178).

Тем не менее, даже в таких диких условиях и после вскрытия подполья организация продолжала функционировать. Алексеевцы сумели установить контакт с французскими представителями, сыгравшими впоследствии важную роль в саботаже Северной группы Народной армии. Организация направила на самолете к А.П. Степанову (руководителю Северной группы армии Комуча) офицера французской военной миссии капитана Ф.Борда, который и вынудил штаб изменить свои планы и двинуться к Казани.

В этот же момент алексеевцы наладили контакт с Сербским революционным батальоном, который был расквартирован в кремле. Под страхом быть влитым в ряды Красной Армии командир батальона М.Благотич обратился к генерал-лейтенанту Романовскому с просьбой разрешить ему использовать склад организации для осуществления прорыва: «Когда нас придут разоружать, мы выбросим ручные гранаты, прорвемся к складу, вооружимся и уйдем из города». После этого штабом было принято решение выступить с сербами совместно. Несмотря на начатую подготовку, совместной акции помешало внезапное вскрытие оружейного тайника и потеря связи с двумя подпольными отрядами. После данной неудачи ба-

тальон начал самовольно покидать город, двигаясь навстречу частям Степанова [3, с. 3].

За несколько же дней до штурма города частями Комуча организация разделилась и рассредоточилась по региону. Часть алексеевцев под руководством офицера Батуева бежала в Раифскую пустынь, остальные ячейки остались в городе, ожидая удобного момента для восстания [4, с. 3].

Прибытие частей Комуча оказалось внезапным не только для большевиков, но и для подпольных офицеров с самарским центром. Один из членов штаба Северной группы (коему и принадлежала инициатива взятия Казани вопреки приказам из Самары) В.И. Лебедев так характеризовал настроение подступающих народоармейцев: «Настроение войск было неопишимо. Это настроение и окружающая красоты природы придавали нашей экспедиции характер феерии, сказки» [1, с. 3].

Долгое время было непонятно, почему алексеевцы не подготовились к подходу долгожданной Народной армии. Выговский проливает свет на эту историю: Ф.Борд, направленный на юг, после встречи со Степановым должен был на аэроплане вернуться в Казань и сбросить пакет с данными о сроках прибытия народоармейцев в условленном месте – у кирпичных сараев за городом. Там его ждал тайный агент, который должен был подать сигнал белой простыней. Несмотря на простоту плана, погода внесла свои коррективы: в нужный момент ветер унес пакет, и найти его не удалось. Как утверждал Выговский, эта роковая случайность и погубила все дело, поставив алексеевцев в «неведение о сроках прихода наших чешских союзников» [3, с. 3].

Хотя народоармейцы признавали, что красные оказали в этом бою упорное и слаженное сопротивление, сумев даже поджечь один из пароходов [7, с. 3], нарастающая паника и многочисленные диверсии значительно ослабили обороняющихся. Зиновьев отмечал, что вражеская артиллерия не причинила штурмующим чехам вреда, поскольку полковник Сушко и другие офицеры в стане противника намеренно давали неверную наводку (Зиновьев, 2003, с. 150). Во время создания артиллерийского заслона от потенциальной повторной высадки противника – казанскими рабочими, по сознательной ошибке офицера, будет обстреляна своя же батарея (Терехин, 1924, с. 30).

Дезорганизация в большевистском лагере достигла такой степени, что алексеевцы начали открыто передвигаться по городу, арестовывая политработников. Так, были арестованы и приговорены к расстрелу партийцы Терехин и Муштаков (Терехин, 1924, с. 31). Передвижению большевистских отрядов также мешал постоянный обстрел с крыш городских зданий². Ситуацию усугубил переход на сторону Комуча сербского революционного батальона, который совместно с алексеевцами принял капитуля-

² Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. П-36. Оп. 1. Д. 284. Л. 9–10.

цию кремля. К вечеру штурма – алексеевцы также сумели захватить Арские и Каргопольские казармы. По замечанию Выговского, раифская группа принесла наименьшую пользу, т.к. вместо захвата ключевого Романовского моста, вокруг которого впоследствии шли основные бои, она двинулась в Казань, попутно разоружая встреченные части [5]. К утру 7 августа город был полностью освобожден.

Взятие Казани являлось наивысшей точкой успеха восточного антибольшевистского движения. Потери отряда В.О. Каппеля составили всего 25 человек³, в то время как противник потерял убитыми свыше 300 человек [10]. В руки Комуча попали золотой запас Российской империи и вся академия Генерального штаба. Успех был сокрушительным; по замечанию начальника Николаевской военной академии А.И. Андогского, штурм стал замечательнейшим событием в военной истории, сравнимым со взятием Очакова (Майский, 2023, с. 28).

После взятия под контроль города установилась коалиционная власть. Алексеевцы сумели занять видные посты: Романовский занял пост начальника штаба; Мейбом возглавил формирование татарских боевых частей; Фельдман стал командиром особого эскадрона конницы, которая примет участие в важном рейде на Свияжск; Нечаев – командиром 1-го Казанского Кавалерийского Добровольческого полка Казанского корпуса и т.д. Примечательно, что даже после перехода кадров организации под власть Комуча, алексеевцы сохраняют свою политическую структуру, считая своим руководителем именно генерала М.В. Алексеева. В дальнейшем эта особенность будет сильно волновать представителей новой власти. К примеру, Лебедев открыто называл представителей Алексеевской организации партией «Свободные Руки», которая всеми силами стремится проникнуть в работу штаба Северной группы. В дневниковой записи по случаю назначения Романовского начальником штаба значится: «Я ругал Степанова, но он мне формально не подчинен... Я этого Романовского просто бы в шею гнал» (Лебедев, 1928, с. 174). Несмотря на критику, алексеевцы успешно инкорпорировались в политические и военные структуры, сохраняя за собой корпоративную солидарность.

Таким образом, проведенное исследование позволяет заключить, что падение Казани в августе 1918 г. стало возможным не только в результате наступления внешних сил Народной армии, но и вследствие целенаправленной и эффективной деятельности внутреннего подполья. Несмотря на свой относительно небольшой численный состав, организация сыграла роль «пятой колонны», действуя не через масштабное восстание, а через системный саботаж, дезинформацию и деморализацию тыла красных, что в конечном итоге предопределило низкие потери штурмующих и катастрофическую дезорганизацию обороняющихся.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-167. Оп. 1. Д. 4. Л. 34.

Решающее значение имели широкие коалиционные связи подполья, интегрированного в общероссийскую антибольшевистскую сеть и поддерживавшего контакты с Добровольческой армией, иностранными миссиями и симпатизирующими воинскими частями.

Взятие Казани следует рассматривать как результат сочетания внешнего военного давления и глубокого внутреннего кризиса советской власти в регионе, важнейшим элементом которого стала деятельность сплоченного офицерского подполья, сумевшего нанести большевикам точный и решающий удар изнутри.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. В.И. Лебедев и Б.К. Фортунатов о взятии Симбирска и Казани // Вестник Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. 1918. 29 августа.
2. *В-ский*. Дела минувших дней. Алексеевская организация в Казани // Русское слово. 1928. 18 сентября.
3. *В-ский*. Дела минувших дней. Алексеевская организация в Казани // Русское слово. 1928. 20 сентября.
4. *В-ский*. Дела минувших дней. Алексеевская организация в Казани // Русское слово. 1928. 21 сентября.
5. *В-ский*. Дела минувших дней. Алексеевская организация в Казани // Русское слово. 1928. 25 сентября.
6. *Глэн А.* Под башнями Казани // Вечерняя заря. 1933. 9 июля.
7. Донесение Лебедева и Фортунатова о взятии Казани // Вестник Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. 1918. 9 августа.
8. *Е.* Памяти Бориса Ивановича Попова // Россия. 1970. 27 май.
9. *К.* Полк. А.И. Козлов // Голос. 1929. 15 августа.
10. Казанское направление // Вестник Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. 1918. 8 августа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бочков А.И. Три года Советской власти в Казани. 1917 – 25 октября – 1920 гг.: (хроника событий) / под ред. М.Корбута. Казань: Государственное изд-во, 1921. 63 с.

Ганин А.В. «Наша военная организация... продолжает считать Вас своим вождем»: Письмо и рапорт генералу М.В. Алексееву о белом подполье в Казани и Царицыне. 1918 г. // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2019. Т. 4. № 4. С. 75–81.

Запись сообщения Комиссариату по делам мусульман внутренней России по прямому проводу о событиях, происходивших в Казани в феврале-марте 1918 г. // Мирсаид Султан-Галиев. Избранные труды / под ред. И.Р. Тагирова [и др.]. Казань: Гасыр, 1998. С. 114–118.

Зиновьев В.А. Борьбе на Волге (май-ноябрь 1918 г.) // Каппель и каппелевцы / ред.-сост. В.Ж. Цветков [и др.]. М.: Посев, 2003. С. 143–165.

Ильина О.А. Канун Восьмого дня. Казань: Заман, 2003. 400 с.

Иностранцев М.А. Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма / под ред. А.В. Ганина. М.: Кучково поле, 2017. 928 с.

Исхаки Г. Идель-Урал. Париж, 1933. 52 с.

Лацис М.И. Четыре месяца в Казани и под Казанью // Борьба за Казань: сборник материалов о чехо-учредилловской интервенции в 1918 г.: № 1. Казань, 1924. С. 5–14.

Лебедев В.И. От Петрограда до Казани // Воля России. 1928. № 8/9. С. 50–198.

Мазунин В. 3 месяца до и во время чехов (Казань-Арск) // Борьба за Казань: сборник материалов о чехо-учредилловской интервенции в 1918 г.: № 1. Казань, 1924. С. 37–59.

Майский И.М. Демократическая контрреволюция. М.: Государственное изд-во, 1923. 360 с.

Мейбом Ф.Ф. Тернистый путь // 1918 год на Востоке России / сост. С.В. Волков. М.: Центрополиграф, 2003. С. 82–134.

Милх Л. Партийная и Советская Казань до чехов // Борьба за Казань: сборник материалов о чехо-учредилловской интервенции в 1918 г.: № 1 / Истпарт, отд. обл. ком. Р.К.П. (б) Татресп. Казань, 1924. С. 14–19.

Показания Попова. Первый допрос // Красная книга ВЧК / ред.-сост. А. С. Велидов. Т. 1. М.: Политиздат, 1989. С. 101–102.

Терехин Ф. Красная армия с момента формирования – до налета чехов // Борьба за Казань: сборник материалов о чехо-учредилловской интервенции в 1918 г.: № 1. Казань, 1924. С. 19–37.

Троцкий Л.Д. «Моя жизнь. Опыт автобиографии» / под ред. А. Дмитриева [и др.]. М.: Панорама, 1991. 624 с.

Юрлова М.М. Казачка; Россия, прощай / под ред. В.В. Аристархова, перевод с английского О.Ю. Фадиной. М.: Институт Наследия, 2023. 494 с.

REFERENCES

Bochkov A.I. *Three Years of Soviet Power in Kazan. 1917 – October 25 – 1920: (Chronicle of Events)*. Ed. by M. Korbut. Kazan: State Publ., 1921. 63 p. (In Russian)

Ganin A.V. “Our Military Organization... Continues to Consider You Its Leader”: Letter and Report to General M.V. Alekseev about the White Underground in Kazan and Tsaritsyn. 1918. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2019, Vol. 4, no. 4, pp. 75–81. (In Russian)

Record of the Message to the Commissariat for Muslim Affairs of Inner Russia via Direct Wire about the Events Taking Place in Kazan in February–March 1918. *Mirsaid Sultan-Galiev. Selected Works*. Ed. by I.R. Tagirov, et al. Kazan: Gasyr, 1998. Pp. 114–118. (In Russian)

Zinoviev V.A. Struggle on the Volga (May–November 1918). *Kappel and Kappelites*. Ed. by V.Zh. Tsvetkov, et al. Moscow: Posev, 2003. Pp. 143–165. (In Russian)

Ilyina O.A. *Eve of the Eighth Day*. Kazan: Zaman, 2003. 400 p. (In Russian)

Inostrantsev M.A. *Memoirs. End of the Empire, Revolution and the Beginning of Bolshevism*. Ed. by A.V. Ganin. Moscow: Kuchkovo Pole, 2017. 928 p. (In Russian)

Iskhaki G. *Idel-Ural*. Paris, 1933. 52 p. (In Russian)

Latsis M.I. Four Months in Kazan and Near Kazan. *Struggle for Kazan: Collection of Materials on the Czecho-Constituent Intervention in 1918: no. 1*. Kazan, 1924. Pp. 5–14. (In Russian)

Lebedev V.I. From Petrograd to Kazan. *Will of Russia*. 1928, no. 8/9, pp. 50–198. (In Russian)

Mazunin V. 3 Months Before and During the Czechs (Kazan-Arsk). *Struggle for Kazan: Collection of Materials on the Czecho-Constituent Intervention in 1918: no. 1*. Kazan, 1924. Pp. 37–59. (In Russian)

Maiskiy I.M. *Democratic Counter-Revolution*. Moscow: State Publ., 1923. 360 p. (In Russian)

Meibom F.F. Thorny Path. *1918 on the East of Russia*. Comp. S.V. Volkov. Moscow: Tsentropoligraf, 2003. Pp. 82–134. (In Russian)

Milkh L. Party and Soviet Kazan Before the Czechs. *Struggle for Kazan: Collection of Materials on the Czecho-Constituent Intervention in 1918: no. 1*. Kazan, 1924. Pp. 14–19. (In Russian)

Testimony of Popov. First Interrogation. *Red Book of the VChK*. Ed. by A.S. Velidov. Moscow: Politizdat, 1989. Pp. 101–102. (In Russian)

Perekhin F. Red Army from the Moment of Formation – Until the Raid of the Czechs. *Struggle for Kazan: Collection of Materials on the Czecho-Constituent Intervention in 1918: no. 1*. Kazan, 1924. Pp. 19–37. (In Russian)

Trotsky L.D. *My Life. An Attempt at an Autobiography*. Ed. by A. Dmitriev, et al. Moscow: Panorama, 1991. 624 p. (In Russian)

Yurlova M.M. *Cossack Girl; Goodbye Russia*. Ed. by V.V. Aristarkhov, trans. by O.Yu. Fadina. Moscow: Heritage Institute, 2023. 494 p. (In Russian)

Информация об авторе:

Заляев Сант Рамилевич – аспирант, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0007-3108-3469>; e-mail: srzaliaev@edu.hse.ru

About the author:

Sait R. Zalyaev – Postgraduate Student, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0007-3108-3469>; e-mail: srzaliaev@edu.hse.ru

Поступила в редакцию / Received 15.01.2026

Поступила после рецензирования / Revised 13.02.2026

Принята к публикации / Accepted 10.03.2026